Т. Назарова

СЕРДЦЕ — ФАКЕЛ

Знал ли отец, вещало ли чуткое материнское сердце, что видят они сына в последний раз?

— До скорой встречи,— сказал он родным, обнял и поцеловал молодую жену, нежно прикоснулся губами ко лбу крошечной дочки Лили и вскочил на подножку уже отходящего вагона.

Петр Галецкий служил в армии последний год, вернее, последние месяцы. Дважды за годы службы к нему приезжала жена Надя, а теперь вот выпал счастливый случай — во время командировки проезжал мимо родного села Майдан на Витебщине и улучил время повидаться с родными.

Надежда Ивановна Галецкая запомнила этот день на всю жизнь: июньский день 1941 года, последний четверг перед войной. И Петр навсегда остался в ее памяти таким, каким видела в эту последнюю встречу — молодым, ясноглазым, энергичным, подтянутым.

В трудолюбивой многодетной семье Галецких не было ленивых, и Петр еще школьником во время каникул помогал, чем мог, колхозу, приносил в семью

свой заработок. Смышленого мальчишку взял к себе кучером председатель колхоза. С ним разъезжал Петя по дальним бригадам. Да только недолго ходил он в мальчишках. Не по возрасту быстро остепенился, приобрел самостоятельность и в 18 лет был назначен бригадиром полеводческой бригады. И хотя молодого бригадира не величали Петром Антоновичем, а по-прежнему называли Петром или Петей, односельчане уважали и любили его за трудолюбие, за справедливость. В девятнадцать Петр женился на своей бывшей однокласснице Наде Матюшевской, а через несколько месяцев после женитьбы ушел в армию.

— До скорой встречи!

Кто знает, были ли эти слова сказаны в утешение родным и близким. Только не подозревал солдат, какая опасность нависла черной тучей над ним, над его семьей, над Родиной, над советским народом. Но не застала Петра Галецкого война врасплох. В свои 22 года он готов был защищать родную землю грудью, готов был идти на любое задание и, если понадобится, отдать жизнь за Родину.

Самых лучших своих сынов в те тяжелые дни страна посылала в тылы врага. Здесь, объединившись в партизанские отряды, боролись те, кто не успел уйти на восток, воины, попавшие в окружение. Им на помощь тайными тропами, самолетами добирались обученные в специальных школах люди, знающие тактику партизанской войны, умеющие минировать дороги, скрытно ставить механизмы с взрывающимися устройствами, словом, воевать не числом, а умением, хитростью и смекалкой.

Такую школу прошел и Петр Галецкий. В конце августа 1942 года он неожиданно нагрянул в квартиру своей московской родственницы тети Алены. Оставил у нее самое дорогое: письма от родных, фотографию жены и дочки и просил сохранить все до его возвращения. И здесь его видели бодрым, жизнерадостным. И здесь он сказал: «До скорой встречи!» И улучив момент, когда тетка осталась одна, потихоньку шепнул, что будет он драться с врагом недалеко от родных мест, так что непременно передаст поклон от тети Алены родному Майдану.

Партизанский отряд «Победа», или, как чаще называли его, отряд Кочубея (по прозвищу командира Кирилла Новикова), базировался на стыке двух областей — Смоленской и Витебской. Основной состав его — коммунисты и комсомольцы Гжатского и Можайского районов. Отряд перешел

линию фронта в районе Велиж — Усвяты на Смоленщине 10 августа 1942 года. К тому времени, когда сюда по той же дороге из тыла пришла группа, в которой кроме Петра было еще 27 бойцов, отряд значительно пополнился солдатами, попавшими в окружение, и местными жителями.

Бойцы отряда Кочубея считали себя уже обстрелянными, бывалыми, гордились славой, которую приобрели в борьбе с врагами.

В первом же бою, когда 250 карателей хотели окружить и уничтожить маленькую группу партизан, фашисты потеряли 20 убитых, 30 карателей получили тяжелые ранения. Партизаны ушли из готовящейся для них ловушки невредимыми. Вскоре кочубеевцы вместе с действовавшим по соседству отрядом имени Чапаева разгромили вражеский гарнизон в селе Упа, который охранял шоссе Витебск — Смоленск и мешал проводить диверсии на этом участке дороги. Отряд ушел, а враги схоронили более сотни своих людей.

В конце августа был разгромлен гарнизон в деревне Погостище. После этого большой участок шоссе стал полностью контролироваться партизанами. Пока еще было тепло, и партизаны жили в лесу дружной, сплоченной семьей. Новички быстро почувствовали себя равноправными членами этой семьи.

Едва отдохнув после трудного перехода через линию фронта, Петр Галецкий окунулся в будничные дела отряда. А дела эти состояли в том, чтобы уничтожать фашистских захватчиков, не давать возможности направлять на фронт оружие, боеприпасы, машины, солдат, чтобы здесь, в тылу, не давать врагу ни днем ни ночью передышки. Будни проходили в том, чтобы раздобыть для себя оружие, боеприпасы, взрывчатку, продовольствие.

Ежедневно несколько групп партизан ходило минировать шоссе, охотиться за немцами, отставшими от колонн. Партизаны устраивали диверсии в городах, засады на дорогах.

В те дни сентября 1942 года, когда Петр появился в отряде, здесь жили впечатлениями первого взрыва железнодорожного состава. Шесть партизан во главе со старшим группы Мраморовым ушли за 25 километров от района дислокации отряда. Много часов провели они вблизи железнодорожного полотна между станциями Крынки — Выдрея, прежде чем удалось заминировать полотно. Дорогу фашисты берегли как зеницу ока. По всему пути на расстоя-

нии выстрела стояли дозорные вышки, а между ними на расстоянии 30—40 метров ходили часовые, вооруженные световыми сигналами.

И все же партизанам удалось обмануть бдительную стражу. Перед закатом солнца, не дожидаясь ночи, когда охрана пути усиливалась, партизаны заложили мину перед самым приходом поезда. 12 вагонов с боеприпасами полетели под откос.

Как завидовали в отряде первым участникам диверсии на железной дороге! Подумать только: шестеро бойцов и среди них совсем молодые ребята — вчерашние школьники Тимофей Горбачев, Витя Дмитриев и другие уничтожили целый воинский эшелон, на 18 часов прервали движение на этом важном участке пути!

Охота за минами и добыча из них тола тоже всегда была связана с риском для жизни. Петр Галецкий, как и другие, не отказывался ни от какой работы: ходил в засады, ставил мины на шоссе, добывал взрывчатку, участвовал в разгроме вражеских гарнизонов, но мысли его были всегда «на железке».

Жизнерадостный по натуре, с душой, открытой всему доброму, этот крестьянский парень впервые в жизни столкнулся с чудовищной жестокостью, несправедливостью. На его глазах убивали ни в чем не повинных людей — детей, стариков и старух. Недалеко от базы партизан, в поселке Днепрогэс, фашисты повесили мать и детей за то, что кто-то сказал, будто это семья партизан. 50 фашистов наскочили на безоружных колхозников в деревне Ширики, избили всех, не считаясь с возрастом, все за то же — за связь с партизанами.

Услышишь о таком, увидишь своими глазами, руки даже во сне тянутся к винтовке, мысли работают лишь в одном направлении: как можно больше уничтожить врага, смертью ответить фашистам за смерть и муки советских людей.

После первого эшелона диверсии на железной дороге стали делом обычным, таким же будничным, как и минирование шоссейных дорог. Уже несколько групп по очереди выходили к полотну железной дороги, использовали малейшую возможность, чтобы подложить под рельсы взрывчатку.

В донесениях командира отряда «Победа» Кочубея — Кирилла Ивановича Новикова, которые он отправлял в советский тыл, лишь короткие записи: 3, 8 и 14 сентября —

взрыв вражеских машин на шоссе Витебск — Смоленск, 9 сентября пущен под откос вражеский эшелон. 18 сентября в районе станции Выдрея вновь взорван вражеский эшелон.

За этими краткими строчками — мужество славных советских патриотов, их судьбы, их героизм.

Петр Галецкий, так же как и другие партизаны, ходит с группой подрывников к полотну железной дороги, лежит часами, а то и сутками в дозоре на холодной земле, без хлеба и горячей пищи. Медленно тянется время, прежде чем минер выкроит те единственные мгновения, когда можно, схватив тяжелую мину, прокрасться к рельсам и заложить ее перед самым проходом поезда. Частые диверсии бесили врагов. Они усилили охрану железнодорожного полотна.

Уже по 12 вооруженных фашистов сидели на каждой контрольной вышке, кроме патрулей, которые стояли и ходили вдоль путей, устраивали засады на подходе к путям. Перед тем как пройти эшелону, на каждом перегоне следовал паровоз и вагон с балластом. На охрану дороги выгоняли мирное население сел и деревень. Словом, казалось, нет никакой возможности незаметно подобраться к путям.

И все же партизаны находили эти возможности. Они терпеливо ожидали, когда пройдут все патрули, когда прогрохочет контрольный паровоз, и на виду у приближавшегося поезда бегом бежали к полотну, чтобы в предельно короткие мгновения успеть заложить взрывчатку.

Страшной силы взрыв потряс окрестности станции Выдрея в ночь на 19 сентября. В воздух взлетел специальный состав, который вез на фронт офицеров, солдат и высокое начальство — генерала Отто фон Добшица. 1600 фашистов нашли себе могилу в двухстах метрах от семафора станции. Только 80 осталось в живых. Немцы оцепили место катастрофы и в течение нескольких дней возили вагонетками и хоронили трупы.

На железнодорожных путях было спокойно лишь в те дни, пока специальные команды разбирали нагромождение вагонов, восстанавливали пути и мосты.

20 сентября группа подрывников во главе с Никифоровым взорвала воинский эшелон. 26 сентября на этом же участке произошло крушение бронепоезда, 27 сентября вновь летят под откос паровоз и 11 вагонов с боеприпасами, 30 сентября — воинский эшелон с солдатами.

Но и в отряде были потери. Так, в тот день, когда группа Ивана Белугина взорвала бронепоезд, немцы открыли по уходящим партизанам огонь и тяжело ранили Сашу Солдатова. Погибли при взрыве мины бесстрашные партизаны Катя Кондратьева и Георгий Федоров.

Тяжело переживал весь отряд геройскую смерть Нюры Овсяниковой. С группой партизан под командой Рудова она ходила по деревням, распространяла листовки, вела разведку. Нашлись предатели, донесли о партизанах карателям. Деревню окружили, завязался неравный бой.

Шепнув товарищам: «Уходите, я буду прикрывать», Нюра одна вела огонь по карателям до тех пор, пока хватало сил. Но, увлекшись перестрелкой, она не заметила, что окружена врагами, и не успела выпустить ту последнюю пулю, которую берегла для себя. Обрадовавшись, что захватили партизанку живой, враги пытались узнать у нее расположение неуловимого отряда, но ни пытки, ни муки, придуманные изуверами, не сломили отважную девушку. Она не сказала тех слов, которых от нее ждали фашисты. В бессильной ярости они сожгли деревню, где схватили Нюру. Много женщин и детей погибло в тот день.

4 октября 1942 года отряд хоронил Нюру. Над ее могилой партизаны клялись отомстить за мученическую смерть отважной партизанки, за безвинные жертвы жителей деревни Хотемля.

Казалось, мера ненависти к фашистам уже переполнена, но это новое преступление всколыхнуло бойцов. Кочубею трудно было сдерживать людей. Каждый рвался на задания, каждому хотелось бить врагов без передышки.

Просился на задания и Петр Галецкий. Ненависть к врагу жгла, не давала покоя. Он ненавидел фашизм и знал, что будет его ненавидеть до конца жизни, ненавидеть и презирать, как самое омерзительное, что только есть на земле. Им владела одна мысль — бить, уничтожать врага.

Но командир знал, что ненависть, бьющая через край, плохой помощник в диверсиях, которые требуют большого хладнокровия и трезвого расчета. Он сдерживал слишком горячие головы, давая им самые мирные поручения — то выпустить отрядную стенгазету, то провести политзанятия в группе.

Петр ходил минировать шоссе, участвовал в засадах, которые громили небольшие группы фашистов, отбиравших у колхозников собранный ими урожай. Но все это не давало

удовлетворения. Хотелось видеть, как взлетают на воздух десятки, сотни врагов, как под откос летят эшелоны. Петр настойчиво просился «на железку».

Наконец 20 октября группа, в которой он был минером, получила задание — заминировать железнодорожное полотно. Вместе с ним шли Степан Титович Давыдовский и Василий Антонович Ладыженко. Шли на знакомое уже место — на перегон Выдрея — Крынки, где не раз взрывали поезда. Прежде чем выбрать точку для диверсии, долго наблюдали за полотном, изучали, как охраняется этот участок пути.

Наконец остановились недалеко от станции Крынки. На вышках стоял усиленный дозор. Размеренно, словно заводные, ходили между вышками патрули.

Теперь оставалось только ждать подхода поезда. Осенняя ночь выдалась темной и холодной. Но партизаны были приучены к долготерпению, знали — во время этих ожиданий ни на одну минуту нельзя позволить себе расслабить волю, думать о чем-то другом. Сидели точно в оцепенении. А Галецкий, которому в этот раз выпала честь минировать полотно, еще и еще раз продумывал все детали операции.

Вот наконец чуткое ухо ловит мерный звук идущего вдали поезда. Пора? Нет, еще не пора. Это паровоз с балластным вагоном идет для проверки пути. Прошел. Теперь нужно ждать, пока сойдутся и разойдутся патрули. Еще по дороге они договорились, по какому пути отступать, как Степан Давыдовский и Василий Ладыженко будут прикрывать Петра в том случае, если его заметят патрули.

Теперь пора. Петр осторожно берет двадцатикилограммовую мину и бежит к полотну. Поезд грохочет все громче и громче. Уже видно, что не зря они шли почти 30 километров, не зря по очереди несли свой тяжелый груз. 40 цистерн с горючим! Это горючее для танков, которые рвутся к Москве, для самолетов, что бомбят наши города и села.

«Не пройдет, не дам пройти!» — словно молот, стучит сердце в груди партизана. Он спешит, с тревогой замечая, что поезд приближается быстро. Мина кажется слишком тяжелой, наверное оттого, что впереди высокая насыпь полотна, а может быть, потому, что Петр уже знает: заложить ее у него не хватит времени. Но он знает и другое — поезд не должен пройти. Если он пройдет, там на полях войны лягут сотни советских солдат. И Петр бежит, бежит навстречу смерти и бессмертию.

Товарищи, забыв об опасности, высунулись из прикрытия, с тревогой наблюдая за этим поединком. Им хочется крикнуть: «Петр, вернись, не успеешь!».

Но они знают и другое: будь они на месте Петра, они бы также бежали вперед с той же мыслью: «Не пройдет!».

И он успел добежать. Правда, не было времени, чтобы заложить мину по всем правилам. Но разве в этом дело? Главное, поезд, везущий смерть советским людям, сейчас остановится по воле крестьянского паренька Петра Галецкого.

Друзья Петра, лежавшие в засаде, увидели, как Петр рывком вскочил на полотно и бросился вместе с миной под паровоз. И тут же в небо взвился яркий столб пламени, словно сердце партизана, переполненное любовью к людям, вспыхнуло факелом, как сердце Данко.

Всю ночь пламя освещало то место, где совершил свой легендарный подвиг Петр Галецкий. Его видели жители многих окрестных деревень. Оно не успело еще погаснуть, как молва о партизане, презревшем смерть ради счастья своего народа, пошла по селам Белоруссии и Смоленщины. В ту же ночь в Витебске хрупкая девушка-партизанка, имени которой никто не знал, взорвала электростанцию, погибнув при этом сама.

Партизаны везде, партизаны всюду! Не одолеть врагу советский народ! Скольким людям, томящимся в неволе, придал силы факел, зажженный Петром Галецким у станции Крынки!

Молча возвращались в отряд Степан Давыдовский и Василий Ладыженко. Молча встретили товарищи известие о смерти Пети Галецкого. Только плотнее сжали губы, только вновь повторили клятву — мстить за погибших.

К тому времени к именам погибших Федорова, Кондратьевой, Овсяниковой прибавились имена Андреева, Крылова, и вот теперь Петя Галецкий.

В донесении оперативной группе при Военном совете 5-й армии, которое напишут в канун нового, 1943 года командир отряда Кирилл Иванович Новиков и комиссар Назар Ефремович Дроздов о подвиге Петра Галецкого, будет сказано скупо, всего несколько строк: «22 октября 1942 года на ж. д. Витебск — Смоленск в районе станции Крынки пущен под откос ж.-д. состав около 40 цистерн с горючим. Операцию выполняли Давыдовский, Ладыженко, Галецкий».

Дальше в этом донесении идут такие же по-военному короткие строчки о том, как летели под откос поезда, взлетали на воздух автомашины 23, 24, 25 октября и кто выполнял эти операции. Лишь в конце донесения сказано: «Из личного состава в 1942 году погибли Федоров, Овсяникова, Кондратьева, Андреев, Крылов, Галецкий, Цурбанов. 3 ноября в отряд прибыла группа из 35 бойцов, направленных западным штабом партизанского движения». Так вместо погибших вставали новые бойцы, готовые на битву, на смерть, на подвиг.

Шли дни, равные по напряжению месяцам, и месяцы, равные годам. Многих бойцов и командиров отряда «Победа» унесла смерть. Не стало друзей Петра — Степы Давыдовского, Васи Ладыженко. Смертью храбрых погибли всеми любимые 17-летние мальчики из Можайска Витя Юрин и Витя Дмитриев. Но ряды смыкались, мертвых в строю заменяли живые, и отряд Кочубея продолжал громить врага.

Почти 25 лет родные Петра Антоновича Галецкого ничего не знали о его судьбе. Мать Татьяна Афанасьевна умерла в 1955 году, не дождавшись весточки о сыне. Но ничто не забыто, никто не забыт, ибо память о погибших нужна живым. Указом Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года за особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, Галецкому Петру Антоновичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Грамота и Звезда Героя переданы жене Надежде Ивановне, которая живет вместе с дочкой Лилией Петровной в Можайске.

Отец Антон Федорович Галецкий живет все там же, где родился Петр, в селе Майдан на Витебщине. Школьники села Славени Толочинского района часто приглашают в гости дедушку Антона, просят рассказать, каким был его сын Петр, который когда-то учился в их школе. Они гордятся тем, что школа носит имя Героя Советского Союза Петра Галецкого. Во время каникул то одна группа школьников, то другая едет в деревню Крынки Леозненского района. И тогда ученики Крынкинской школы ведут их к железнодорожному полотну и показывают скромную деревянную дощечку, на которой написано, что здесь свершил свой бессмертный подвиг Герой Советского Союза П. А. Галецкий. Там, недалеко от станции, и сейчас можно видеть осколки от цистерн и платформ.

И тогда кто-нибудь из крынкинских ребят вновь и вновь, подробно, словно видел своими глазами, рассказывает, как сидели в засаде партизаны, как услыхали они грохот приходящего поезда, как бежал к полотну белокурый двадцатитрехлетний боец, собирая последние силы, чтобы успеть броситься с миной на полотно дороги под паровоз...

И словно слышат ребята, как задрожала земля от взрыва, когда встали дыбом вагоны и падали под откос цистерны с горючим. Словно видят, как до высокого синего неба взметнулся факел огня — салют бессмертному подвигу героя.